

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30...77.

Служение поэзии

Ткаченко надо было бы в силу его приверженности к Александру Исаевичу Солженицыну крыть Соболева вкривь и вкось, да еще и для усиления брани присочинить навет-другой, в чем он без зазрения совести постоянно не отказывает себе. Что остановило Ткаченко от этого накатанного привычного действия? Может быть, то, что жив и еще живет легион прозаиков, поэтов, драматургов на бескрайних просторах России, кого многощедрый Соболев вводил в литературу и кто, пусть малой своей частью, способен богатырски отстоять Леонида Сергеевича: исполина русского языка, патриотической духовности, великана ростом, добротой, порядочностью?

А. С. Т. не преминет унижить переделкинских обитателей с улицы Серафимовича в том или там, где надеется, что ему поверят. Повторюсь ради доказательства: «Теперь в уютной дачке Шагинян... проживает поэт Егор Исаев, получивший дачу как рабочий секретарь СП СССР».

Откровенный намек, якобы Исаев получил дачу как чиновник, насыщен желанием смазать поэта и прозаика творчески. На самом деле, я убежден, Егор Исаев получил ее за крупные литературные достижения: за поэмы «Суд памяти», «Даль памяти», «Убил охотник журавля», за тома публицистики и воспоминаний. На мой взгляд, было бы в не меньшей мере справедливо, если бы он получил ее за служение поэзии. Десятилетиями, являясь в издательстве «Советский писатель» заведующим отделом русской поэзии, он издавал серийно лучшие книги самых лучших поэтов, не деля их на русских и русскоязычных. Теперь, в начале третьего тысячелетия, эти книги могли бы составить классический многотомник русских поэмов и стихотворений второй половины двадцатого века. Валентину Михайловну Карпову, умницу из критиков-урбанистов, главного редактора «Советского писателя», наделили, по достоинству, дачей в Переделкине. И Егора Александровича Исаева было бы не грех наделить частью дачи или дачей за подвижническую деятельность в этом издательстве. «...Еще в 60-е он стал знаменит поэмой «Суд памяти» (о минувшей войне), за которую получил Ленинскую премию, – так пишет об Е. Исаеве лжесвидетель Ткаченко. – Долгое время затем он заведовал отделом поэзии в издательстве «Советский писатель», и к нему, естественно, валом шла поэтическая братия».

Златоуст и трибун

В действительности Егор Исаев получил Ленинскую премию (1980 год) после публикации поэмы «Даль памяти». И не братия шла к утонченному, взыскательному редактору Егору Александровичу, а настоящие поэты. Шушера, за редким исключением, не толкалась к нему. И не з а т е м шла, а долгие годы до этого: до высокой ему премии. Дачу, допуская, Егору Исаеву предоставили по совокупности: увенчанному поэту и свежизбранному секретарю СП СССР, занимавшемуся поэтами всех советских республик.

«В подвыпитии Егор слегка бравировал чубом «а-ля Маяковский», вроде бы и профиль его смахивал на революционного горлана и главаря, потому и стихи свои Егор читал так же, встряхивая чубом и чеканя-выкрикивая каждое слово». Но писал-то он, особенно смолоду, подражая Твардовскому, ритмике «Теркина», об этом знал Александр Трифонович...

Загоняя Егора Исаева в подражатели личности и поэта Маяковского, Ткаченко и здесь впадает в неправоту. Про «а-ля Маяковского»

Егор Исаев – классик советской литературы, лауреат Ленинской премии

Егора Исаева – все это пародийный треп. Личность и поэт Егор Исаев от природы – патетик, златоуст, трибун. Вот четкое ему определение: он сам по себе индивидуальность. Следование Александру Трифоновичу сводит А. С. Т. к ритмике «Теркина». И тут он, оголтевая от охоты всучить в зауженности поэмы Егора Исаева к Александру Твардовскому, гуторит невпопад. Есть, есть у Егора Исаева зависимость от стилиевой сокровищницы А. Т. Твардовского. Иногда досадливо выпирают в отдельных строчках и строфах интонационность нашего великого поэта, метафоричность, частушечная просторечность. Прав Ткаченко, утверждая, что Твардовскому не нравились в Егоре Исаеве моменты неприкрытого влечения к его письму. И я от Егора Александровича, и от самого Александра Трифоновича

слыхал, что Твардовского не устраивал исаевский х о д за ним. Понятно, что в каждом таланте он жаждал видеть самостоятельность. Но только по скромности Александр Трифонович не соглашался с мыслью, что Егор Исаев – поэт школы Твардовского, как, скажем, Сергей Есенин – поэт школы Николая Клюева. Нельзя, однако, отрицать, будто бы обошло воронежца Егора Исаева влияние его колоссальных земляков: Алексея Кольцова, Ивана Никитина. То, что Александр Твардовский не печатал в журнале «Новый мир» Егора Исаева, нельзя связывать со слабостями его подражательства великану от Смоленщины-Москвы. В 1980 году Егору Исаеву присудили Ленинскую премию за поэму «Даль памяти», которая составила дилогию с поэмой «Суд памяти». В тот момент Егор Александрович все еще оставался сотрудником «Советского писателя» в прежней должности. Александра Твардовского расхлюстанный на даты, суждения, оценки А. С. Т. поименовывает мэтром. Производя впечатление гиганта, чаще – строгого учителя, Твардовский, за счет скромности, которой был в мать, и непретенциозности, при своем общесоветском и всеземном положении, мэтра не напоминал.

Автограф с красными чернилами

Но пути поэтические, как и все другие, неисповедимы. Чтобы проявиться таланту средней величины, нужны место и время. С такой же амбициозностью, если не большей, можно сказать: нужны безвременье и местечковость. И только гении выражают себя в любые эпохи (а имеются ли трагические свидетельства тому, сколько гениев гибнет? Наверняка больше, чем оголтелых, зловонных бездарностей).

«Долгие годы (все застойные 70-е) Егор Исаев, похоже, чувствовал себя обойденным, его явно недолюбливало наше писательское руководство, не выдвигая на сколько-нибудь заметную должность – журнальную ли, издательскую, не говоря уж о секретарской. Мешала беспартийность? Или его несколько скандальная «распахнутость» курско-русской души?» Не чувствовал себя обойденным Егор Исаев в семидесятые годы. Вдохновенно он продолжал издавать поэтов в «Советском писателе». Кстати, двухтомник «Из лирики этих лет» Александра Твардовского, получивший Государственную премию, издал именно Егор Исаев. Он позвонил Твардовскому, который сжигал без остатка, до беспомыслия свое время во имя сохранения «Нового мира» как пречестного, глубинного, советского и планетарного журнала, и выразил Александру Трифоновичу беспокойство о том, что он забыл о своей новой книге; ее давно пора выпустить в свет, а верстка ее все еще не вычитана автором и не подписано им оформление книги. Удивленный тем, что запаматовал о книге, Твардовский запросил и верстку, и оформление. Егор Александрович читал в газетах и журналах свежие стихи Твардовского и предложил пополнить ими верстку. Великий поэт не без удивления обрадовался такой возможности, и результатом такого взаимодействия, с то же самозабвенным редактором Егором Исаевым, явился двухтомник, который уже заболевший А. Твардовский рассылал вместе или томами

Чтобы проявиться таланту средней величины, нужны место и время

писателям и читателям, близким его душе. И мне, отрадно объявить это, он прислал зеленый том «Из лирики этих лет» с автографом, написанным красными чернилами.

Утверждения А. С. Т., будто бы Егор Исаев чувствовал себя обойденным в 70-е годы и якобы писательское руководство недолюбливало его, припахивает ничтожно-гнилым доммыслом. Егора Александровича, не чинодрала, устраивали его возможности основательно выковырять поэму «Даль памяти». Противен и доммысел о несколько скандальной «распахнутости» курско-русской души Исаева. Было бы точно курско-русской душой назвать прозаика Евгения Носова, а Егор Исаев – воронежско-русская душа.

Наша постоянная опора

Сквозь слова Ткаченко: «Трудно сказать, не зная всех тонкостей чиновничье-писательских взлетов и падений... Но всему свой срок и «все мечты сбываются, товарищ», ибо «кто хочет, тот добьется...» – просматривается равнодушная неосведомленность. В начале 80-х Егор сразу становится рабочим секретарем большого Союза писателей. Здесь неприкрыто обозначаются затаенные мечтания Ткаченко о крупных должностях в журналах, издательствах, в писательских секретариатах. Рвался к ним, бешено затаивая их в себе, ан не выклинилось, а потому надо сваливать собственные хищные мечтания на того, кто жил вне всего этого. И тут вот подвернулся Егор Исаев, на него и сбавивал А. С. Т. свое неосуществленное властолюбие. Кабы хотел Егор Исаев владычествовать на литературном Олимпе, он бы, при его уме, всепокоряющих ораторских способностях (я уж не говорю о поэтических) и доказательно-возвышенных, страстных убеждениях социалистического реалиста, но такого социалистического реалиста, кто в чувствах, постижении, охвате бытия всемирном. Этому подтверждение – двухтомник статей-размышлений, опубликованных издательством «Художественная литература». Взять хотя бы эссе «Жизнь – наша земля». Его зачин: «Часто ли мы говорим о Земле – о планете, о земле, по которой ходим, на которой стоит наш дом, растут дети? Часто ли заботимся о Земле, земле-матери, сокровенны ли наши слова, наши мысли о ней? Вот что не дает мне покоя в эти трудные дни и годы. Все ли поняли на нашей планете, на что покупаются некоторые земляне?»

Мы порой упрощаем понятие «Земля», – только деревья, только поле, сад, цветы. Нет, Земля – это все. Земля – это и уголь, и нефть, и золото, и сама почва, воздух, которым мы дышим, вода, которую мы пьем, то, что на Земле, под Землей и над Землей, в небе, – все Земля. Она наша постоянная опора, наше движение, хлеб наш насущный, жизнь наша, Земля.

Если уж чему стоит поклоняться на этой Земле, так это ей самой, нашей прародительнице, кормилице нашей, держащей нас на себе и на себе нас несущей. Мы же не десантированы с Марса – в готовом виде? Человечество выросло и возшло на Земле, возшло и трудом, и разумом своим.

И человек, сын ее, должен сознательно, без каких-либо там религиозно-мистических отклонений, постоянно, как молитву, воздавать великое благодарение Земле!...

Ей, только ей! – воздастся

полной мерой
В пределе том, неведомо каком,
За хлеб,
За соль,
За первый шаг,
За первый
Невнятный слог,
За слово с корешком,
За свет,
За мысль,
За тяжкий дар познания,
Так высоко ошторивший зенит,
За вечный зов,
За берег ожидания
За весь ее нетягостный магнит
Воздастся ей

Продолжение следует

> Если уж чему стоит поклоняться на этой Земле, так это ей самой, нашей прародительнице и кормилице